

РОССИЯ СБИЛАСЬ СО СЛЕДА

ВОПРОСЫ УГЛЕРОДНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ХОТЬ И НЕ УШЛИ ИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОВЕСТКИ, НО СТАЛИ МЕНЕЕ АКТУАЛЬНЫМИ ПОСЛЕ ЗАКРЫТИЯ ЗАПАДНЫХ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ. НОВЫХ СТИМУЛОВ СТОИТ ЖДАТЬ ИЗ АЗИИ.

ВИКТОРИЯ АЛЕЙНИКОВА

Ориентация на западные страны и следование международной экологической повестке перестали быть драйверами для декарбонизации российской экономики. Актуальность углеродного регулирования снизилась после закрытия для российских компаний западных финансовых рынков, где инвесторы уделяли повышенное внимание данному аспекту, отмечает Андрей Пискунов, управляющий директор рейтингового агентства НКР. Отечественное регулирование в этом направлении пока находится на начальной стадии развития, а локальный рынок углеродных единиц еще не сформировался, сделки здесь носят эпизодический и имиджевый характер, говорит он.

Важным драйвером для декарбонизации в РФ было углеродное регулирование в ЕС, которое грозило дополнительными тарифами для российских товаров, а после отказа альянса от торговли с РФ во многих отраслях этот фактор потерял свою актуальность, согласен аналитик ФГ «Финам» Александр Ковалев. «Главная проблема в сфере декарбонизации, ставшая острее в последний год,— отсутствие системности. Отечественный бизнес неплохо справляется с давлением санкций и других факторов, но вопросам снижения углеродного следа уделяется все меньше внимания в силу возникших в 2022 году рисков для большинства отраслей экономики»,— указывает аналитик. Законодательство в этой области все еще имеет много пробелов, и бизнес зачастую не находит стимулов вкладываться в ESG в сложных для народного хозяйства условиях, добавляет он.

На данный момент в России утверждена Стратегия социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, вступил в силу закон об ограничении выбросов парниковых газов. С 2021 года запущен климатический эксперимент на Сахалине (в сентябре прошлого года на Московской бирже состоялись пилотные торги углеродными единицами, выпущенными на Сахалине), а в 2022 года Министерство экономического развития РФ утвердило критерии и порядок отнесения проектов к климатическим. Для наиболее крупных эмитентов вводится обязательная углеродная отчетность.

«Пример с Сахалином показателен. Регион все еще намерен достичь углеродной нейтральности к 2025 году, но с корректировками в методах учета углеродных выбросов. При этом причиной называется переориентация России в сторону Востока — при разработке политики декарбонизации РФ ориентируется не на нужды собственного рынка, а на потенциальных экспортеров»,— говорит господин Ковалев. Он считает, что до принципиального переосмысления такого подхода будет тяжело говорить о серьезных результатах РФ на фронте снижения углеродного следа.

ВЫНУЖДЕННЫЙ ОТКАЗ В структуре расходов бюджета России на 2023 год доля средств по разделу «Охрана окружающей среды» уменьшилась на 3,64% и составляет 0,34 трлн рублей, что может говорить о снижении важности углеродной повестки, отмечает Иван Петров, первый заместитель декана факультета экономики и бизнеса Финансового университета. Тем не менее декарбонизация энергетического баланса России продолжается в рамках государственной поддержки проектов по увеличению доли низкоэмиссионной атомной энергетики, развитию технологий улавливания, использованию и утилизации парниковых газов в традиционной энергетике и увеличению объемов поглощения парниковых газов.

Бизнес заявляет о поддержке этих направлений, но финансирует только те проекты, которые вписываются в текущую программу технологического развития со

смещением основных издержек на более поздние сроки, добавляет господин Петров. В приоритете остаются проекты перехода на ВИЭ-генерацию для обеспечения собственных нужд. Так, например, ПАО «Татнефть» с 2027 года приступает к реализации проектов генерации на основе ВИЭ мощностью 900 МВт.

С уходом из России зарубежных партнеров не только проекты, связанные с декарбонизацией, но и крупные промышленные и инфраструктурные стройки потребуют докапитализации, перепроектирования и переносов сроков реализации по причинам изменения логики поставок оборудования и замены технологических и инвестиционных партнеров, добавляет господин Петров.

По словам руководителя группы оценки рисков устойчивого развития АКРА Владимира Горчакова, в сфере поставок «зеленого» оборудования и финансирования проектов по декарбонизации произошел вынужденный отказ от западных инвестиций в пользу финансовых вложений из дружественных для России государств. При этом некоторые новые нормативные документы были выпущены несмотря на санкции, что демонстрирует стремление России следовать общемировой тенденции по декарбонизации. Один из примеров — реализация программ по отбору проектов для модернизации (KOMMod) в отечественной энергетике. Уход Siemens, Vestas, GE, Enel и других западных компаний автоматически поставил многие объекты тепловой и возобновляемой энергетики на паузу или привел к их полной отмене (модернизация Заинской ГРЭС, заморожен проект Родниковской ВЭС, задержка ввода Кольской ВЭС, Нижневартонской ГРЭС, Ириклинской ГРЭС и других станций), указывает Владимир Горчаков.

Санкции серьезно повлияли на развитие ВИЭ и перспективных видов энергетики: водородной и биоэнергетики, продолжает господин Горчаков. Инвестирование в эти технологии рассматривалось как взаимовыгодное, так как ЕС считает водородную энергетику важным компонентом достижения углеродной нейтральности, а у России большой потенциал производства водорода и его экспорта в Еврозою.

В сотрудничестве в области водородной энергетики были заинтересованы «Росатом», «Газпром», НОВАТЭК, «Роснано», а также европейские Enel Group, Uniper и другие компании. «Газпром», в частности, планировал строительство водородного завода на территории Германии, чтобы в будущем можно было использовать мощности «Северного потока — 2» для транспортировки водорода. НОВАТЭК собирался развивать производство водорода совместно с немецкой Uniper. «Роснано» и Enel Group рассчитывали совместно производить водород на ветроэлектростанции в Мурманской области и экспортировать его в ЕС.

Впрочем, отказываться от ESG-повестки и низкоуглеродного развития бизнес не намерен. Непринятие мер по декарбонизации увеличивает риск техногенных катастроф и природных катаклизмов, говорит директор по корпоративным отношениям и устойчивому развитию Unilever в России и Белоруссии Ирина Антюшина. Unilever является участником экспертного совета по устойчивому развитию при Минэкономразвития и продвигает «зеленые» инициативы на уровне министерств. Компания обязуется сократить до нуля выбросы парниковых газов на своих производствах к 2030 году, а к 2039-му — по всей производственно-сбытовой цепи.

«Государство не отказывается от заявленных ранее климатических целей, и наша компания разделяет такой подход. Работа по реализации климатических и иных „зеленых“ инициатив продолжается»,— говорит исполняющий обязанности президента компании AB InBev Efes Ораз Дурдыев.

НОВЫХ СТИМУЛОВ ЖДУТ С ВОСТОКА

Стимулы для углеродной повестки могут прийти с азиатских рынков, где как инвесторы, так и контрагенты предъявляют свои требования к углеродному следу, считает господин Пискунов. При переориентации экспорта российских сырьевых ресурсов на Восток и Юг следует учитывать, что в большинстве стран ESG-повестка и низкоуглеродное развитие в приоритете, говорит Иван Петров. Китай, генерирующий более трети мирового объема выбросов углекислого газа, предпринимает

шаги по разработке единых ESG-требований с опорой на действующие международные стандарты. Правительство страны заявило о цели минимизации углеродных выбросов к 2030 году.

«Влияние ESG-практик стран Азии и Ближнего Востока на бизнес продолжает расти, регулирование в области декарбонизации развивается быстрыми темпами. Поэтому для российской экономики в текущих условиях тема декарбонизации и углеродного регулирования остается актуальной, особенно для экспортно ориентированных отраслей»,— указывает господин Петров. Однако на данный момент лишь 2% российских компаний всех отраслей экономики публикуют ESG-отчеты по международным стандартам GRI (глобальная инициатива отчетности), добавляет он.

Для стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) снижение углеродного следа стало важной темой, и некоторые из них уже начали внедрять меры для снижения углеродного следа, добавляет господин Горчаков. Помимо Китая, ряд программ реализует Индия, в том числе Национальный план действий по изменению климата (NAPCC), который включает в себя миссии в конкретных областях солнечной энергии, энергоэффективности, водных ресурсов, устойчивого сельского хозяйства. Япония находится на пути к углеродной нейтральности с промежуточной целью сокращения выбросов парниковых газов на 46% к 2030 году по сравнению с уровнем 2013 года.

По мнению господина Горчакова, создание регионального рынка обращения углеродных единиц в странах АТР может привести к ряду положительных результатов. Запуск рынка позволит регулировать уровень выбросов и поощрять компании, которые инвестируют в возобновляемую энергетику и экологичные технологии. Стимулирование сектора экологии и инноваций через региональный рынок углеродных единиц приведет к технологическому прорыву и созданию новых рабочих мест. Повысится уровень сотрудничества и обмен экологическим опытом, вырастет инвестиционная привлекательность региона, появятся стимулы для сохранения природных ресурсов. перечисляет господин Горчаков. ■

ВАЖНЫМ ДРАЙВЕРОМ ДЛЯ ДЕКАРБОНИЗАЦИИ В РФ БЫЛО УГЛЕРОДНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ЕС, КОТОРОЕ ГРОЗИЛО ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ТАРИФАМИ ДЛЯ РОССИЙСКИХ ТОВАРОВ, А ПОСЛЕ ОТКАЗА АЛЛЯНСА ОТ ТОРГОВЛИ С РФ ВО МНОГИХ ОТРАСЛЯХ ЭТОТ ФАКТОР ПОТЕРЯЛ СВОЮ АКТУАЛЬНОСТЬ